

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 104 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

IV

ТАРТУ 1961

О СТАТЬЕ В. Г. БЕЛИНСКОГО «КЕСАРИ»

П. С. Рейфман.

В «Отечественных записках» (1842 г., № 5) Белинский напечатал заметку о переводе А. Башуцким отрывка из сочинения Ф.-де-Шампаньи «Кесари». Критик назвал этот перевод «истинным подарком русской литературе» и обещал: «Может быть, мы поговорим поподробнее, в отделе «Критики», об этом важном произведении»¹.

В следующем номере журнала обещанная статья была напечатана. Она была включена затем в т. 12 первого «Полного собрания сочинений» Белинского с примечаниями В. С. Спиридонова, убедительно доказавшего принадлежность ее критику.²

К сожалению, статья «Кесари» не привлекала к себе внимания исследователей. До сих пор не раскрыт ее подлинный смысл и значение в творчестве Белинского. Содержание статьи вовсе не прокомментировано. В примечаниях Спиридонова говорится, главным образом, лишь о формальных признаках, позволяющих отнести статью к наследию критика.

В новом, академическом издании «Полного собрания сочинений» Белинского вопрос о принадлежности ему этой статьи вообще оставлен открытым. В 6 томе утверждается, что «вопрос о принадлежности ее Белинскому не является решенным»; из основного текста она исключена и помещена в 13-м томе, в *Dubia*, причем и здесь в примечаниях содержание статьи почти не анализируется.³

Против такого необоснованного произвола редакции Полного собрания сочинений В. Г. Белинского выступил С. Машинский. Но и он, не ставя перед собой задачи подробно аргументировать принадлежность статьи Белинскому, не останавливается на анализе ее содержания. Не сомневается в авторстве Белинского и Ю. Г. Юксман.⁴ Но, в первую очередь, само содержание «Кесарей» свидетельствует, что статья без сомнения принадлежит Белинскому и относится к ряду тех статей, в которых выразились с особенной силой революционные взгляды критика, его решительное отрицание самодержавно-крепостнической действительности.

О принадлежности статьи Белинскому свидетельствует, прежде всего, ее тесная связь с известным тираноборческим письмом критика к Боткину

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч. в 13 тт., изд. АН СССР, 1953—1959, т. VI, стр. 174. В дальнейшем все ссылки на это издание обозначаются: Белинский, Полн. собр. соч. (с римской цифрой тома). Ссылки же на Полн. собр. соч. Белинского в 13 тт., под ред. С. А. Венгерова и В. С. Спиридонова, 1900—1948, — обозначаются: Белинский, Соч. (с арабской цифрой тома).

² Белинский, Соч., т. 12, стр. 346—367, 537—539.

³ Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 732, т. XIII, стр. 130—148, 323.

⁴ См.: Новый мир, 1958, № 3, стр. 219; Ю. Оксман, Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского, М., 1958, стр. 330.

от 27—28 июня 1841 г. В этом письме Белинский рассказывал о своем впечатлении от «Жизнеописаний» Плутарха в переводе Дестуниса. «Я понял через Плутарха многое, чего не понимал <...>. Я понял и французскую революцию, и ее римскую помпу, над которой прежде смеялся. Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляской с гербом.»⁵ Критик писал, что его героями стали разрушители старого, борцы с тиранией. Гракхи, Тимoleon, Катон Утический, Брут, а не императоры-цезари вызывали восторг Белинского.

Поняв «через Плутарха» «кровавую любовь Марата к свободе», гибельность деспотизма и самодержавия, историческую неизбежность отрицания отживших общественных отношений, Белинский стремился подвести к подобным же выводам и своих читателей. Античность, как убедился критик, давала прекрасный материал для воспитания вольнолюбивых настроений и чувства ненависти к деспотии. Однако писать о Плутархе в переводе Дестуниса, об издании, выходявшем в 1814—20 гг., было, конечно, нецелесообразно. Но естественно было обратиться к первой попавшейся книге об античной истории, чтобы, анализируя ее, высказать взгляды, возникшие при чтении Плутарха.

Статьи де-Шампаньи о римских кесарях периодически печатались, начиная с 1836 г., в «Revue des Deux Mondes». В 1841 г. эти статьи, соответственно переработанные, были изданы в Париже отдельной книгой.⁶ А. Башуцкий перевел небольшой отрывок из сочинения де-Шампаньи и издал его в 1842 г. под названием «Кесари».⁷ Этот перевод и послужил поводом для статьи, напечатанной в «Отечественных записках».

И сочинение де-Шампаньи, и перевод Башуцкого весьма далеки от взглядов, высказанных в этой статье. В основе книги «Кесари» лежала мысль о борьбе в античном обществе язычества и христианства. Всем содержанием автор ее старался доказать истинность христианской религии и торжество ее в борьбе со «злой силой» язычества. Де-Шампаньи осуждал римских цезарей как антихристианскую силу, как высшее проявление языческой древности. «Поклонение кесарям есть последняя ступень идолопоклонства <...> Рожденная в одно время с христианством, как вдохновение высшего зла для борьбы с высшим добром, власть кесарей была власть демонская в существе своем.»⁸

Автор неоднократно утверждал, что плоть ниже духа, что «царственно вознесся разум над телом, христианство одержало необъятную, всеобщую победу.» Он писал, что без христианства «просвещение ничтожно, безумно»,⁹ что материализм — свидетельство разложения римского общества.

Книга «Кесари» была насквозь пронизана религиозными идеями и отнюдь не давала прогрессивного и исторически верного толкования жизни древнего Рима. Она не имела почти ничего общего с мыслями, развитыми критиком «Отечественных записок». Лишь отрицательное отношение к римским кесарям, к их эпохе и утверждение, что они появились не случайно, а как необходимое следствие своего времени, сближали рецензируемую книгу со статьей о ней. Книга о кесарях была для критика лишь поводом для высказывания своих взглядов.

Не христианство и язычество сопоставляет он, как это делает де-Шампаньи, а Рим республики и империи. «Рим был могуч, когда гражданская свобода одушевляла сынов его и была невидимым рычагом, который двигал политическим составом его общественности. При императорах осталось одно чувство, одно побуждение, служившее и источником, и связью общественной жизни: это — чувство личного самохранения на чужой счет.»¹⁰

⁵ Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 52.

⁶ F. de Champagny, Les Césars, Paris, 1841.

⁷ Ф. де-Шампаньи, Кесари, СПб, 1842.

⁸ Там же, стр. 184, 185.

⁹ Там же, стр. 67—68, 222.

¹⁰ Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 140.

Говоря об античной истории, критик с особой симпатией отзывался о тех же борцах за вольность, тираноборцах, республиканцах, о которых шла речь в письме Белинского к Боткину от 27—28 июня 1841 г. Сходство между письмом и статьей проявляется не только в общих мыслях, в одинаковом отношении к римской истории. Для выражения своих революционных взглядов критик обращался в статье буквально к тем же образам, которые встречаются в письме Белинского Боткину, давая им ту же характеристику, что и автор письма. «Люди, подобные Гракхам», были для него «последними римлянами», «самым великим, самым блестящим, но вместе с тем и последним проявлением республиканской доблести.»¹¹ Гракхи, Катон младший, Брут, Кассий, Марий оценивались критиком как «доблестные характеры в древнереспубликанском вкусе»¹², люди, «отлитые из бронзы».¹³ Автор противопоставлял эти характеры римским императорам: Цезарю, Августу, и другим — и все его симпатии были на стороне тираноборцев-республиканцев.

Через всю статью проходила мысль о неизбежности ломки старого, отжившего общества. Говоря о закономерности развития истории, о разумности и обусловленности исторического процесса, о том, что «великие исторические события не являются случайно или вдруг, сами из себя или (что все равно) из ничего, но всегда бывают необходимыми результатами предшествовавших событий»¹⁴, критик особенно подчеркивал положение об отрицании как одном из основных средств исторического прогресса. На материале античной истории он показывал необходимость разрушения всего устаревшего, отжившего свой век: когда древний Рим изжил себя, он неизбежно должен был погибнуть, и никакая сила не могла его спасти.

Автор статьи настойчиво утверждал, что «внутренние потрясения, внешние бедствия, изменение нравов и верований укрепляют, так сказать, новейшие государства».¹⁵ Он подчеркивал, что «дух сомнения и отрицания, столь враждебный обычаю и преданию, дух рефлексии, разлагающий на чистые понятия разума органическую целостность мифических и догматических верований и столь враждебный радужным и обманчивым покровам фантазии, — этот дух для новой, христианской Европы всегда был духом жизни и обновления».¹⁶ Такое понимание исторической закономерности и необходимости стало весьма характерным для Белинского с начала 40-х годов. Оно проявилось не только в вышеназванном письме к Боткину, но и во многих других статьях и письмах Белинского того времени. Так, еще в конце 1840 г., отстаивая закономерность исторического развития, критик основной упор делал именно на идее отрицания старого новым. «Конечно, идея, которую я силился развить в статье по случаю книги Глинки о Бородинском сражении, верна в своих основаниях, но должно было бы развить и идею отрицания, как исторического права, не менее первого священного, и без которого история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото», — писал Белинский Боткину 10—11 декабря 1840 г.»¹⁷ «Что действительно, то разумно, и что разумно, то и действительно <...> но не все то действительно, что есть в действительности», — утверждал критик в статье о стихотворениях Лермонтова.¹⁸ И эта мысль о необходимости отрицания была для Белинского не абстрактной фразой. Не случайно в письмах с ней всегда связывались рассуждения об ужасной русской действительности, о самодержавии, официальной народности, о революции, современных республиках и т. п.¹⁹ Именно об отрицании русских самодержавно-крепостнических

¹¹ Там же, стр. 130.

¹² Там же, стр. 134—135.

¹³ Там же, стр. 134.

¹⁴ Там же, стр. 135.

¹⁵ Там же, стр. 131.

¹⁷ Белинский, Полн. собр. соч., т. XI, стр. 576.

¹⁸ Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 493.

¹⁹ Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, стр. 23—24, 50, 52, 70—71,

отношений, о борьбе с ними шла речь, когда Белинский говорил о «духе сомнения и отрицания».

Как видим, понимание исторического развития в статье «Кесари» весьма близко к точке зрения, высказанной Белинским в других статьях и письмах этого периода.

Слова же критика о «духе сомнения и отрицания» не только по своему содержанию, но и по форме выражения почти буквально совпадают с известным отрывком из статьи «Руководство к всеобщей истории Лоренца», справедливо отмеченным исследователями: «Мрачный дух сомнения и отрицания, как элемент, или, лучше сказать, как сторона всецелого и вечного духа жизни, играет в движении великую роль, отрывая отдельные лица и целые массы от непосредственных и привычных положений и стремя их к новым и сознательным убеждениям.»²⁰ Кстати, со статьей «Руководство к всеобщей истории Лоренца» статья «Кесари» связана и по времени: в «Отечественных записках», 1842 г., № 4 была напечатана статья о книге Лоренца; в следующем номере появилось извещение о переводе «Кесарей» и Белинский обещал поговорить о нем подробно; в № 6 это обещание исполняется. Критик как бы продолжал в статье «Кесари» развивать мысли, только что сформулированные им в статье о книге Лоренца, конкретизируя свои революционные выводы на материале античной истории. Близость статьи «Кесари» по идеям, по отдельным формулировкам, по времени — к статье Белинского о книге Лоренца также свидетельствует о принадлежности статьи «Кесари» Белинскому.

Даже в отдельных деталях автор статьи «Кесари» старался использовать рецензируемый материал для утверждения своих антикрепостнических взглядов. Защищая Сенеку от нападок де-Шампаньи, критик приводил в подтверждение величия античного философа его высказывания в защиту рабов, его слова о том, что разум, добродетель, благородство равно принадлежат рабу и свободному человеку. Любопытно, что в книге де-Шампаньи Сенека сопоставлялся с апостолом Павлом, и из этого сопоставления автор делал вывод о превосходстве христианской религии над языческой философией.²¹ Критик «Отечественных записок» целиком отбросил это сопоставление. Он брал под свою защиту взгляды Сенеки, используя его слова для разоблачения крепостничества.

Весьма знаменательно и окончание статьи. В нем отчетливо отразился действительный характер философии ее автора. Критику казалось явно недостаточным внушить читателям мысль о неизбежности победы нового над старым, о закономерности отрицания отжившего. Упорно и настойчиво звал он к деятельности, к борьбе за победу нового, к активному преобразованию действительности. «Остережемся и мы веровать в фатализм добра, точно так же, как в фатализм зла <...> Если <фатализм> стремится свет к лучшему, то к чему же нам в пользу его трудиться! Если успех находится одною силою обстоятельств, то зачем же хлопотать об успехе? Неверный оптимизм (который слияется обратиться в философию), убеждение в неотразимом совершенствовании, несмотря на неопределенность свою, не впадает ли в то гордое, но глубоко-жалкое спокойствие бездеятельности, которое, полагаясь на свободную силу обстоятельств или на что-либо столь же гадательное и неточное, складывает руки и пребывает ко всему равнодушным?»²² Такими словами, взятыми из книги де-Шампаньи, заканчивал критик свою статью. Но вкладывал он в эти слова совсем другой смысл, чем автор книги о кесарях. У де-Шампаньи слова о вреде фатализма направлены против тех, кто не верует в божественное провидение, в силу христианской религии.²³ В книге утверждалось, что общество развивается по воле бога, а человеческие усилия лишь в слабой степени содействуют этой божественной воле. «Свет — как

²⁰ Белинский, Полн. собр. соч. т. VI, стр. 95.

²¹ Ф. де-Шампаньи, Кесари, стр. 61—66.

²² Белинский, Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 148. В журнальном тексте слово «фанатизм» — очевидная опечатка.

²³ Ф. де-Шампаньи, Кесари, стр. 119—120.

человек; спасение и блаженство его в милости всемогущего неба; но милость эта дается условно и хочет, чтобы слабый труд наш содействовал ей.»²⁴

Автор статьи начисто отбросил все эти религиозные рассуждения. Он использовал слова де-Шампаньи как призыв к активной борьбе за переустройство общества.

Пользуясь как поводом книгой де-Шампаньи, критик создал страстную, сугубо современную статью. Мысли о неизбежности гибели всего устаревшего, привоупоставление римской империи и республики, восхваление тираноубийц, борцов за свободу народа, резкое осуждение «тирана-паяца» Нерона, Тиберия и других кесарей-императоров — все это имело самый злободневный смысл, вызывало определенные аналогии, непосредственно связанные с русской действительностью. Статья резко осуждала самодержавную власть, затрагивала вопрос о крепостничестве, звала читателей к активной борьбе с самодержавно-крепостническими отношениями.

Не удивительно, что Белинский придавал большое значение этой статье, что он счел необходимым в 5-м номере «Отечественных записок» заранее предупредить читателей о ее появлении. Не удивительно, что в обзорной статье «Русская литература в 1842 г.» Белинский назвал среди своих лучших статей этого года и статью «Кесари»: «Так как критические статьи всегда бывают выражением мнения самой редакции, то мы можем назвать в отделе критики нашего журнала интересными статьями только статьи г. Герсеванова и Мордвинова о Сибири и г-на Галахова о грамматиках г. Перевлеского, как доставленные в редакцию от посторонних сотрудников; а некоторые из прочих почитаем себя вправе поименовать, предоставляя самой публике судить о их достоинстве или недостатках: «Русская литература в 1841 году», «Стихотворения Аполлона Майкова», «Руководство к всеобщей истории Фридриха Лоренца», «Стихотворения Полежаева», «Кесари Ф. де-Шампаньи», «Речь о критике, профессора А. В. Никитенко» (три статьи), «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души», «Стихотворения Боратынского» и пр.»²⁵ Это упоминание, как указывалось в примечаниях Спиридонова, является еще одним веским доказательством принадлежности статьи «Кесари» Белинскому. Оно же свидетельствует о значении, которое придавал критик этой статье, помещая ее в ряду важнейших своих статей, напечатанных за год в журнале.

Следует учитывать и то, что до нас почти не дошло писем Белинского с апреля по ноябрь 1842 г. (время, когда была опубликована и написана статья «Кесари»). Это объясняет, почему Белинский, неоднократно упоминавший о книге Шампаньи в статьях и рецензиях, ни слова не говорит о самой книге и о статье, следовательно, и об авторе этой статьи, в своих письмах.

Характерно, что Булгарин в своем доносе «Социализм, коммунизм и пантеизм» в качестве первого доказательства революционного направления «Отечественных записок» приводил как раз материал из статьи «Кесари». Прочитывая из нее отрывок о том, что внутренние потрясения, бедствия, изменения нравов и верований укрепляют новейшее государство, он замечал: «Ясно ли? Следовательно, для укрепления новейшего государства (а в Европе нет новее России и Бельгии) нужны внутренние потрясения, т. е. революции, изменение наших монархических нравов и верований, и отчего упал Рим, от того восстанет Россия. Кажется ясно, а к тому же везде есть толкователи»²⁶.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о важности статьи «Кесари», столь незаслуженно забытой нашим литературоведением, о безусловной принадлежности ее Белинскому, о том большом значении, которое имела статья в ряду революционных высказываний критика в начале 40-х годов.

²⁴ Там же, стр. 221.

²⁵ Белинский, Полн. собр. соч., т. VI, стр. 540—541.

²⁶ Мих. Лемке, Николаевские жандармы и литература, Спб., 1908, стр. 304.